

В. Г. Белинский

**Ольга. Быт
русских дворян
в начале...**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Ольга. Быт русских дворян в
начале нынешнего столетия.
Сочинение автора
«Семейства Холмских»**

«...Если б в этой повести были характеры и все лица не говорили на один лад – книжным языком старых резонеров; если б в ней была интрига, завязка и развязка, словом, содержание, а в содержании естественность, правдоподобие и занимательность; если б, наконец, язык повести, при правильности и вылощенной гладкости, не был вовсе лишен движения, жизни, цвета, оригинальности, теплоты и задушевности и не был холодно-мертв, – то повесть читалась бы с большим удовольствием...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Ольга. Быт русских дворян в
начале нынешнего столетия.**

**Сочинение автора
«Семейства Холмских»**

*ОЛЬГА. Быт русских дворян в начале
нынешнего столетия. Сочинение авто-
ра «Семейства Холмских».[1] Санкт-
Петербург. В тип. А. Плюшара. 1840. В
12-ю д. л. Четыре части. В I-й части –
226; во II-й – 252; в III-й – 216; в IV-й – 212
стр. С эпиграфом:*

*Eclairer les homines c'est beaucoup,
mais
on fait encore plus,
Lorsqu' on fait aimer et regner les
verbis.[1]*

Последнее время ознаменовалось упадком прусской литературы: книг выходит мало, да и между ими можно читать разве из ста одну сотую; журналы же – *тот* надоел публике старыми остротами и старым кощунством над наукою и искусством, *сей* – пустотою содержания и безжизненностию{2}, и, за исключением одного, все нещадно отстают книжками, сваливая вину на «разные не зависящие от редакции обстоятельства». Вот, пользуясь этим, в нашу уснувшую литературу начал вкрадываться *китайский* дух. Политика небесной империи, как известно всем, хитра и лукава, – и китайский душок поступил очень осторожно, перебираясь из заплесневелых китайских книг в наши. Не без основания боясь, пуще грома небесного, свежего, девственного и могучего русского духа, он начал пробираться не под своим собственным, то есть китайским именем – Дзун-Кин-Дзын {3}, а с чужим паспортом, с подложного фамилиею, – и назвался *моральным* духом. Говорят, что добрые мандарины, перебивающиеся контрабандою и хлопотавшие о его перевозе через кяхтинскую таможню, приняли благое

намерение издавать на русском языке журнал, имеющий целью распространение в русской литературе этого благовонного китайского духа. Иные утверждают даже, что будто бы этот журнал уже и издается где-то, на маньчжурской границе, под названием «Плошка всемирного просвещения, вежливости и учтивства»{4} и что будто этот журнал отделяет талант от нравственности, так что произведения, ознаменованные талантом, называет безнравственными и предаёт их анафеме{5}, а порождения площадной фантазии, мертвые исчадия дюжинной посредственности торжественно признаёт нравственными и с родственною любовью прижимает их к груди своей и лелеет с отеческою нежностью. К этому присовокупляют, что будто бы эта «Плошка» обвинила Жуковского и особенно Пушкина в растлении нашей литературы и развращении вкуса публики, спасённых будто бы какими-то *мещанскими* романами;{6} что она утверждает, будто Пушкин может нравиться только малолеткам, то есть людям, ещё не утратившим душевного жара, благородных стремлений и не выжив-

шим из ума, но что все *немалолетки* должны презирать Пушкина и восхищаться романами гг. Выбойкиных, Тряпичкиных, Пройдохинных{7} и теориями безграмотных писаек, открывших «высшие полости ведения и законы сцепления полярности». Последнее мнение так поразительно справедливо, что возбудило в нас живейшее желание познакомиться с этим журналом; но мы не могли найти его ни в одной книжной лавке, и книгопродавцы единогласно объявили нам, что если он и привезен, то, вероятно, существует в Петербурге инкогнито. Из этого мы заключаем, что упомянутый журнал – миф. Однако ж присутствие в русской литературе китайского духа, которого случайным выражением сделался, как уверяли нас, означенный мандаринский журнал, тем не менее осталось для нас очевидным, особенно в новых романах и повестях. Главный их признак и отличие от всех других – совершенное отсутствие всякого таланта, решительная бездарность, пустота, резонерство, задорный тон и вместе с ним бессилие, свойственное мандаринам, философам и авторам Срединной империи.

Мы очень рады, что «Ольга» не принадлежит к числу *китайских* романов, хотя взор, не столь опытный, как наш, и мог бы отнести ее к их разряду; особенно мог бы ввести в соблазн эпиграф, находящийся на заглавном листе книги и взятый из Делили. Содержание этой повести очень просто, если только то, чем она наполнена, может назваться «содержанием». Скорее это род порядковой хрии на заданную тему, которая состоит в том, что *дети должны жениться и выходить замуж не по склонности и собственному выбору, а по воле дражайших родителей*. Хотя эта мысль и чисто китайская, однако, повторяем, повесть тем не менее чисто русская, ибо обещается изобразить нам «быт русских дворян в начале нынешнего столетия»... Взглянем же на этот «быт».

Гвардейский офицер Изборский решился, во что бы ни стало, жениться на дочери богатого генерала Зверницкого, своего дальнего родственника, зная, что за хорошенькою дочкою получит хорошенькое «прилагательное». Для этого он за нею волочится и снимает кольцо с руки неопытной институтки, только

что выпущенной из Смольного монастыря{8}. Прodelка эта была им сделана на вечере у тетки Ольги, графини Мериносовой. Тут столпилось такое множество обстоятельств, что нам не рассказать бы их и в целой книжке «Отечественных записок»; но главное в них то, что отец Ольги, грубый человек и скряга, прогнал Изборского, приехавшего к нему с предложением; но наш молодец оттого не струсил и погрозил отцу, что увезет Ольгу и непременно женится на ней, чего ради скупой, зверообразный батюшка поскакал в Москву и взял от сестры своей, графини Мериносовой, обеих дочерей своих (видите: у него, кроме Ольги, была еще и Любовь, столь же дурная собою и злонравная, сколько Ольга была прекрасна и добронравна, и воспитывавшаяся у тетки, которая назначила ее наследницею своего огромного имения). Отец Ольги уж обещал ее руку сыну своего приятеля Хвалынского, и сей добронравный юноша был толико преисполнен китайских доблестей, что, не выдавши невесты, из единого повиновения родителю своему (которого – NB – автор представил очень дурным человеком),

изъявляет готовность поять ю в жены своя. Изборский между тем уезжает за границу, в действующую армию, а Зверницкий хлопочет, чтоб дочь его забыла этого удальца и вышла за Хвалынского, – и старается довести ее до этого *национальными* средствами, от которых та, после многочисленных обмороков, наконец получает горячку. Уж ей оставалось жить не более получаса, уж лекарь определил и минуту ее смерти, уж ноги и руки ее охолодели, губы посинели, грудь едва дышала, – как вдруг сидевшая у ее постели добродетельная Авдотья Васильевна, мать ея подруги Маши, видит, что в комнату входит незнакомый молодой человек, начинает тереть виски больной какою-то примочкою и каждую минуту впускать ей в рот какие-то капли. Умирающая ожила, а таинственный исцелитель скрылся. Это был Хвалынский. – Между тем Изборский возвращается на родину полковником и кавалером ордена св. Георгия. Отец его умер, оставив такое имение, которого недоставало и на уплату долгов нашего шалуна. Вдруг он получает от неизвестного 10 000 р., при записке, в которой сказано, что за его

поведением внимательно наблюдают и что если он окажет себя достойным Ольги, то еще и не так дескать наградят. Но лихой наш полковник в тот же вечер спустил все денежки, потом хитростью и обманом женился на Любоньке, сестре Ольги, а Ольга наконец влюбилась в добродетельного Хвалынского. Изборский промотал имение жены и пустил ее по миру, а Хвалынские ее приютили и обогатили, отчего и она сделалась добродетельною.

Если б в этой повести были характеры и все лица не говорили на один лад – книжным языком старых резонеров; если б в ней была интрига, завязка и развязка, словом, содержание, а в содержании естественность, правдоподобие и занимательность; если б, наконец, язык повести, при правильности и вылощенной гладкости, не был вовсе лишен движения, жизни, цвета, оригинальности, теплоты и задушевности и не был холодно-мертв, – то повесть читалась бы с большим удовольствием.

Сноски

1

Просвещать людей – дело важное, но еще более важно внушать им любовь и повиновение добродетели{9}.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Автор «Семейства Холмских» – Д. Н. Бегичев, подписывавший таким образом свои следующие сочинения ввиду большого успеха первого произведения.

[^^^]

2

Старыми остротами и, главное, *старым кощунством над наукою* отличался журнал О. И. Сенковского «Библиотека для чтения»; особую *пустоту содержания* Белинский находил в «Сыне отечества» (в этот период его редактором стал А. В. Никитенко, критикой же ведал Н. А. Полевой).

[^^^]

Вымышленное имя Дзун-Кин-Дзын, находящее отчетливое фонетическое соответствие в русском «сукин сын», использовано Белинским для обозначения воинствующих обскурантов из журнала «Маяк». Намек был понят: как сообщал Белинский В. Боткину 25 октября 1840 г., «за Дзункинадзына» редакторы «Маяка» «подали и напечатали на «Отечественные записки» донос...». Критик имел в виду статью С. О. Бурачка «Система философии «Отечественных записок» (см.: «Маяк», 1840, ч. IX, гл. IV, с. 1–48), в которой указывалось на антирелигиозный пафос статей Белинского. Тем самым «Маяк» провоцировал административные репрессии против «Отечественных записок» и их ведущего критика.

[^^^]

4

Пародийное наименование «Маяка», полное заглавие которого: «Маяк современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов, русских и иностранных».

[^^^]

5

Безнравственным назвал Бурачок «Героя нашего времени», отождествив Лермонтова с Печориным (см.: «Маяк», 1840, ч. IV, гл. IV, с. 210–219).

[^^^]

6

Виновниками упадка русской литературы Бурачок считал Пушкина и Жуковского (см.: «Маяк», 1840, ч. IV, гл. IV, с. 187–190), противопоставляя им – в качестве подлинных писателей – П. И. Греча, А. П. Степанова, А. П. Башуцкого (там же, с. 193–195).

[^^^]

7

См. примеч. 42 к статье «Русская литература в 1840 году».

[^^^]

8

Имеется в виду Смольный институт благородных девиц в Петербурге.

[^^^]

9

Белинский цитирует эпиграф к повести «Ольга...», взятый из Ж. Делили.

[^^^]

[^^^]